

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И В МИРЕ

© 2015 г. В. М. Алпатов

Статья посвящена особенностям языковой политики в современных странах, прежде всего, в Российской Федерации. Автор рассматривает этот аспект в контексте двух естественных и в то же время противостоящих друг другу потребностей – потребности идентичности и потребности взаимопонимания.

The article considers the peculiarities of the language policy in modern countries, in particular in the Russian Federation. The author considers this aspect in the context of natural and at the same time opposing human needs – identity need and necessity of mutual understanding.

Ключевые слова: языковая политика, потребность идентичности, потребность взаимопонимания, СССР, Российская федерация.

Key words: language policy, identity need, need of mutual understanding, USSR, Russian Federation.

Языковая политика в том или ином государстве может определяться разными факторами, может быть сознательной или стихийной. Но всегда она объективно связана с двумя естественными и в то же время противоположными человеческими потребностями, которые я назову потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания.

Потребность идентичности заключается в том, что “и для общества, и для отдельного индивида комфортнее пользоваться одним языком, преимущественно родным, освоенным в детстве, так как не нужно прилагать усилий при усвоении второго и третьего языков” [1, с. 223]. Я буду использовать термин “материнский язык”, поскольку термин “родной язык” многозначен. Предельный случай удовлетворения потребности идентичности – однопользование.

Понятие материнского языка может, хотя и не всегда, иметь и социальный смысл. Чаще всего это язык своего этноса, своей культуры. Пользование другими языками связывается с ощущением этнической, культурной, а зачастую и социальной неполноценности. Конечно, возможен и компенсирующий фактор – особая престижность чужого языка.

Потребность взаимопонимания заключается в том, что в ситуации языкового общения каждый из ее участников желает для успеха коммуникации без помех общаться с собеседниками. Понятность языка – необходимое условие такого успеха. В случае разных материнских языков собеседников, по крайней мере, один из них должен быть

двухязычен (или в случае переводчика добавляется третий, двухязычный участник).

Обе потребности не противоречат друг другу и автоматически удовлетворяются лишь в полностью однопользовательском обществе. Такие общества были распространены в прошлом, когда существовали замкнутые общины, не контактировавшие друг с другом. Сейчас это редчайшее исключение. Даже в наиболее этнически однородных странах (Япония, Исландия) есть в каком-то количестве люди с иным материнским языком (хотя бы иммигранты), и везде актуально международное общение. Ситуация еще осложняется, если учитывать неоднородность языка: стандартный (литературный) язык, диалекты, просторечие и др. В той же Японии разновидности японского языка могут иметь значительные различия, способные иногда приводить к взаимному непониманию.

В современном мире сравнительно редки полярные ситуации: почти полное господство одного языка (случай Японии) и отсутствие господствующего языка (случай Швейцарии). Чаще всего имеется один язык, с точки зрения его функций преобладающий над всеми остальными, и множество языковых меньшинств. В Европе, Америке и ряде стран Азии и Северной Африки преобладающий язык является языком большинства населения страны; однако это может быть и язык не самого крупного из этносов (Индонезия), и язык, вообще не являющийся ни для кого материнским (английский или французский в ряде стран Африки). Если статус такого языка определяется законодательством, он является государственным языком. Однако господство того

или иного языка может не быть законодательно закреплено, что никак не сказывается на его реальном функционировании (английский язык в Великобритании и большинстве штатов США). Статус языков меньшинств может быть самым различным, определяясь принятой в государстве национально-языковой политикой.

В большинстве случаев государство выступает в качестве силы, поддерживающей потребность взаимопонимания, и стимулирует роль государственного или фактически господствующего языка. Особенно жесткой такая политика бывала в период индустриализации и развития рынка, который в Западной Европе, США и Канаде пришелся на XIX в. и на первую половину XX века. “Потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений” [2, т. 25, с. 424]. Государство же обеспечивало поддержку такому языку. Жесткость такой политики могла достигаться разными способами, причем ее степень не совпадала ни с уровнем развития, ни со степенью демократичности. Во Франции в это время в официальной сфере допускался только стандартный французский язык, а в Великобритании ирландских и уэльских школьников били за речь на родном языке. Жесткая британская политика привела к тому, что даже в независимой Ирландии в реальной коммуникации ирландский язык не смог конкурировать с английским. В менее развитой и демократичной Австро-Венгрии языки меньшинств имели больше прав. В США при отсутствии прямых административных мер их место успешно заменяла концепция “плавильного котла”, а “потребности экономического оборота” заставляли иммигрантов (по крайней мере, их мужскую часть) осваивать английский язык. Пожалуй, самая жесткая политика в отношении многих языков меньшинств была в России, особенно в, казалось бы, либеральное царствование Александра II. Например, в 1876–1905 гг. была запрещена публикация всякой литературы на украинском языке, польский язык изгонялся из учебных заведений и из любой официальной сферы. При этом в России (в отличие от Великобритании и Франции) жесткая политика совмещалась с большим количеством носителей языков меньшинств и для многих – с развитым национальным самосознанием.

Поддержка властью потребности идентичности в этот период встречалась сравнительно редко. Она появлялась в двух, на первый взгляд, полярных случаях. Возможным было ее появление при определенном равновесии между этносами, как это было в Швейцарии. Это государство возникло

“снизу”, как объединение кантонов, в основном одноязычных. Здесь, например, гражданин франкоязычного кантона имел и имеет право не владеть немецким языком (у которого число носителей больше), а каждый государственный чиновник должен отвечать по-немецки, по-французски или по-итальянски в зависимости от того, на каком языке к нему обращаются. Швейцарский опыт оказал большое влияние на языковую политику в СССР.

Другой случай поддержки властью языков меньшинств бывал с принципом “разделяй и властвуй”. Французы в североафриканских колониях поддерживали берберские языки, чтобы не допустить арабизации берберов [3, с. 7], а в ЮАР во времена апартеида одноязычное обучение на материнских языках вводили для африканцев, чтобы они не усваивали языки белых и не объединялись между собой [4, с. 66–67; 5, с. 156].

В том же ряду стояла и более либеральная политика по отношению к украинскому языку в Австро-Венгрии сравнительно с Россией: царская власть видела в нем “наречие” русского языка и добивалась скорейшей ассимиляции, а австрийская власть поддерживала украинский язык, опасаясь слишком большого усиления польского языка.

После Второй мировой войны в ряде стран языковая политика изменилась. Это изменение лишь в малой степени затронуло США или Японию, где по-прежнему ставка делается на господство соответственно английского и японского языка. В США и сейчас преобладает представление, в соответствии с которым нормой жизни должно быть одноязычие, естественно, на английском языке. Двужычие (и тем более одноязычие на другом языке) связывается с бедностью и неспособностью преуспеть в американском обществе. Соответствующим образом строится и государственная политика, направленная на культурную, в том числе языковую ассимиляцию. Безусловно, в США сказывается и традиционная концепция “плавильного котла”, и общемировая роль английского языка. Наиболее крупное языковое меньшинство – испаноязычные американцы – пытается укрепить позиции своего языка; в ответ в ряде штатов, преимущественно тех, где распространен испанский язык, английский язык был объявлен государственным [6]. Близкая политика ведется и в Канаде (где, однако, приходится считаться с крупным языковым меньшинством – франкоканадцами в Квебеке) и в Великобритании. Во всех этих странах (исключая франкоязычную часть Канады) языковая политика не ставит своей

задачей поддержку языков традиционных меньшинств или иммигрантов. В Великобритании даже иностранные языки, знание которых там было традиционно выше, чем в США, исключены из числа обязательных школьных предметов. Третье, а иногда и второе поколение иммигрантов там обычно уже не знает никаких языков, кроме английского, и, что страшнее всего, языки коренного населения Северной Америки продолжают вымирать. Вымер, причем уже во второй половине XX в., и единственный коренной миноритарный язык Японии – айнский.

Иная политика преобладает сейчас в государствах континентальной Европы, где предпринимаются разнообразные меры в защиту малых языков, в том числе по пропаганде этих языков среди соответствующих этносов. Их знание считается престижным. Языки вроде фризского, ретороманского, саамского пока что вполне жизнеспособны. По этому же пути идут и некоторые страны с господствующим английским языком: Австралия, Новая Зеландия. В этих странах нормой жизни считается двуязычие и многоязычие. Например, в Австралии в 1973 г. правительство лейбористов приняло программу всеобщего двуязычия, согласно которой каждый гражданин должен владеть двумя языками: английским и материнским, если он иммигрант или абориген, английским и иностранным, если английский для него исконен [7]. Но, разумеется, никакие меры не могут заставить говорить на малом языке за пределами узкого этнического круга; эти языки в основном играют символическую роль.

Для крупных же языков политическим фактором становится международное распространение, усиливающее экономическое, идеологическое, культурное воздействие соответствующего государства, оно относится к средствам так называемой мягкой силы. Яркий и хорошо известный пример успеха такого проекта – сообщество франкофонных государств. Но, разумеется, успешнее всего идет распространение английского языка, происходящее параллельно распространению влияния США.

Особо следует остановиться на истории языковой политики в России. Уже говорилось о большой жесткости царской национально-языковой политики. Она, хотя и несколько смягчилась после 1905 г., но вызывала значительное недовольство и среди национально ориентированной интеллигенции, и среди противников самодержавного строя. Близкие идеи могли высказывать и левые либералы вроде И.А. Бодуэна де Куртенэ, и такие революционеры как В.И. Ленин. При желатель-

ном устройстве государства “ни один язык не считается государственным и обязательным для всех образованных граждан.... Каждому гражданину предоставляется право сношения с центральными учреждениями государства на своем родном языке. Дело этих центральных учреждений – обзавестись переводчиками со всех языков и на все языки, входящие в состав государства” [8, с. 12–13]. “Русские марксисты говорят, что необходимо: отсутствие обязательного государственного языка при обеспечении населению школ с преподаванием на местных языках [2, т. 24, с. 295].

После революции эти идеи начали претворять в жизнь. Если не считать Швейцарии, то первая попытка положить в основу языковой политики потребность идентичности была предпринята в Советской России после Октября. Цель новой политики, которую стремились строить на научных принципах, заключалась в том, чтобы каждый независимо от национальной принадлежности мог пользоваться во всех сферах жизни материнским языком и овладеть на нем высотами мировой культуры. Эта попытка не имела precedентов в мире.

В первом советском правительстве был создан особый наркомат (министерство) по делам национальностей (существовал до 1923 г.), который все время его существования возглавлял И.В. Сталин. Уже в феврале 1918 г. было определено использование всех местных языков в судах. В самый тяжелый период гражданской войны, в октябре 1918 г., наркомат издал постановление “О школах национальных меньшинств”. Тогда же началось централизованное издание литературы на значительном количестве языков. В 1921 г. X съезд Коммунистической партии принял специальную резолюцию о национальной политике, где ставилась задача перевода на языки меньшинств суда, администрации, хозяйственных органов, театра и т.д. [9, с. 559]. Таким образом, после Октября наша страна стала первой в мире, где обеспечивались права языков меньшинств.

Помимо швейцарского опыта, на представления советских руководителей влияла ситуация в Европе после окончания Первой мировой войны. На том же съезде в 1921 г. нарком говорил: “Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор ещё преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальностей, то теперь Рига – чисто латышский город. Лет пятьде-

сят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризованы. То же самое будет и с Белоруссией, в городах которой всё еще преобладают “небелорусы” [10, с. 49].

Прямого сопротивления новой политике после окончания Гражданской войны почти не было. Однако для ее проведения в Советской России и с 1922 г. в СССР было много объективных препятствий, из которых тогда всерьез осознавалось лишь одно: недостаточное развитие многих языков, часто не имевших ни письменности, ни стандартных норм. Для преодоления этой ситуации велась целенаправленная деятельность, получившая название языкового строительства. К ней были привлечены крупные лингвисты: Е.Д. Поливанов, Н.Ф. Яковлев и др. Они создавали алфавиты на латинской основе для бесписьменных языков и для языков, имевших алфавиты, не соответствовавшие политической ситуации (арабский, старомонгольский). Латинский алфавит предпочитался как наиболее распространенный в мире и наиболее нейтральный (кириллица ассоциировалась с политикой царского времени). В 1929–1930 гг. группа ученых во главе с Н.Ф. Яковлевым предложила и проект латинизации русского языка, который не был осуществлен, не получив одобрения партийного руководства. Но к середине 1930-х гг. были созданы письменности для более чем семидесяти языков.

Однако эти меры, направленные на удовлетворение потребности идентичности, не всегда учитывали другую потребность – взаимопонимания. Если в 1920-е гг. Рига была столицей Латвии, а Венгрия отделилась от Австрии, то Украина и Белоруссия входили в единое с Россией государство, где к тому же с каждым годом усиливалась централизация. Внутри каждого государства, особенно столь централизованного, каким был СССР, потребность взаимопонимания неизбежно должна удовлетворяться, а в пределах советского государства, где единственным языком, способным обслуживать эту потребность на всей территории страны, был русский.

Распространение этого языка после революции, разумеется, шло и постепенно увеличивалось. Однако оно во многом происходило стихийно и даже вопреки государственной политике. Нередко даже люди с коммунистическим мировоззрением вели себя не так, как эта политика предписывала. Перед русскоязычными коммунистами, работавшими в национальных республиках, ставилась задача овладеть местными языками и отказаться от русского языка. Однако в реальности это так и не осуществилось. А уже во второй половине 1920-х

гг. Е.Д. Поливанов писал, что студенты Коммунистического университета трудящихся Востока, в котором готовили руководящие кадры для национальных республик, старались овладеть русским языком, но не проявляли интереса к обучению стандартной (литературной) форме своего материнского языка. Они не могли на своем языке изложить “темы, возвышающиеся над уровнем обывательской беседы.... В процессе учебы языковое мышление на родном языке не участвовало” [11, с. 113–114]. Наблюдения ученого сопоставимы с тем, что замечали и миссионеры, пытавшиеся распространить христианство среди австралийских аборигенов на их материнских языках. Те из их учеников, кто осваивали учение, одновременно старались овладеть и английским языком, а те, кому было неинтересно одно, столь же неинтересным было и другое. А в СССР вопреки прогнозам И.В. Сталина и более поздним заявлениям вроде: “Украинский пролетариат должен был преодолеть и уже в значительной мере преодолел говорение по-русски” [12, с. 9] в индустриальных районах Украины продолжал преобладать русский язык.

Политика и жизнь нередко противоречили друг другу. К пушкинскому юбилею 1937 г. на цыганский язык перевели “Цыган”, “Капитанскую дочку”, “Дубровского” [13, с. 72]; восхищались тем, что цыгане Пушкина, наконец, заговорили на родном языке. И почти в это же время большая группа цыган ворвалась в здание Наркомата просвещения, требуя, чтобы образование для них было переведено с цыганского языка на русский [14, с. 41].

Поворот языковой политики в СССР был неизбежен, хотя он проводился жесткими методами, обычными для страны в то время. Первым его знаком стал запрет И.В. Сталиным в 1930 г. латинизации русского языка. Бывший нарком по делам национальностей теперь понимал, что в едином государстве должен быть объединяющий всех его граждан язык. Во многом речь шла о возврате к политике царского времени, хотя полный возврат уже был невозможен, а официальные лозунги равноправия языков сохранялись.

С середины 1930-х гг. новые латинские алфавиты стали заменяться кириллическими, переход в основном завершился к 1941 г. После войны латинская письменность сохранялась лишь для языков, использовавших их и раньше: прибалтийских, финского. Одновременно предпринимались меры для всеобщего владения русским языком. Важную роль сыграло принятое в 1938 г. постановление ЦК партии и Совета Народных Комиссаров (правительства) “Об обязательном

изучении русского языка в школах национальных республик и областей”. В следующем году было принято особое постановление об обязательном обучении в армии этому языку солдат нерусских национальностей. Ясна необходимость этой меры в преддверии войны. Безусловно, русский язык был необходим для всех, кто стремился хотя бы к минимальной социальной мобильности. Однако после принятия постановления в 1938 г. было закрыто значительное количество школ с обучением на малых языках, а при переводе языков на кириллицу не менее 12 народов потеряли введенную перед этим письменность на своем языке.

Основы национально-языковой политики в СССР с тех пор не менялись до 1980-х гг. Сохранялись прежние лозунги, в некоторых сферах (художественная литература, издание книг и газет) развитие языков меньшинств имело государственную поддержку. Однако ведущим процессом было распространение русского языка в национальных республиках СССР и других национальных образованиях. Количество русских школ росло за счет обучения на других языках. Особенно быстро этот процесс шел в годы, когда СССР руководил Н.С. Хрущев, полагавший, что по мере перехода к коммунизму должны стираться различия между людьми, включая языковые. При этом формально русский язык в рамках всей страны не именовался государственным: помнили высказанную в других исторических условиях точку зрения В.И. Ленина.

Однако нельзя считать, как это сейчас иногда происходит, что все нерусское население страны не принимало такую политику и сопротивлялось ей. Знание русского языка, безусловно, было в жизни нужным и полезным. Показательно, что когда в 1958 г. в СССР родители получили право выбирать школу для своих детей, то сразу заметно увеличилось число учащихся в русских школах за счет национальных школ. Однако национально ориентированные интеллигенты могли быть недовольны форсированным распространением русского языка; где-то, особенно в Прибалтике и Западной Украине, это недовольство имело широкую базу. Противоречия между двумя потребностями загонялись вглубь, что содержало потенциальную опасность, тем более что советская языковая политика постепенно становилась менее последовательной и велась во многом по инерции. В 1980-е гг. противоречия вышли наружу.

В годы “перестройки” одной из целей национальных движений было вытеснение русского языка из обихода и замена его в тех или иных функциях иными языками. Эти движения сущест-

вовали и в РСФСР, и в других союзных республиках. Меры, предпринимавшиеся властью, имели оборонительный характер. Одной из таких мер было объявление русского языка в апреле 1990 г. государственным, этот запоздалый акт уже не мог дать результатов.

После развала СССР в 1991 г. и появления на его территории 15 новых международно признанных государств языковая политика пошла в них разными путями. В 13 из них, кроме Белоруссии и самой России, идет общий процесс вытеснения русского языка так называемыми титульными языками, а основу государственной языковой политики составляет его регулирование. Процесс постоянно идет, но с разной скоростью, а политика государства имеет разную степень жесткости, которая определяется, прежде всего, отношением к русскому языку пришедшей к власти национальной элиты. В Туркменинии, где и в советское время владение этим языком было низким, процесс дерусификации, похоже, завершился, и страна покинула русское культурное пространство. В прибалтийских республиках, где такая элита устойчиво сохраняла этнические языки и отличалась “аллергией на русский язык”, при полном вытеснении из официальных сфер он используется в бизнесе и межнациональном общении. “Аллергия” уменьшилась, но поколение, выросшее при независимости, уже слабо владеет русским языком. А в Центральной Азии (исключая Туркмению), где элита в последние советские десятилетия была в значительной степени русскоязычной, процесс дерусификации идет медленнее и далек до окончания.

Очень сложна и лишь усложняется украинская ситуация. И до независимости она различалась в разных районах: господство украинского языка на западе и русского языка на востоке и юге. До 2004 г. на большей части страны украинизация, прежде всего, затронула деловую сферу и сферу образования. При “оранжевой власти” была, однако, попытка распространить нормы, принятые в западных областях, на всё государство. В бытовой сфере это, впрочем, вне западных регионов не получилось, но в официальной и культурной сферах началась жесткая украинизация, потом ставшая ослабевать: русскому языку начал предоставляться статус регионального. Но победа майдана в феврале 2014 г. привела к сильнейшему всплеску украинизации, вызвавшему протесты в русскоязычных регионах. Одной из причин массового согласия населения Крыма на вхождение в состав России стало желание пользоваться только русским языком. После начала войны в Донбассе власть снизила темпы принудительной украинизации, но она, безусловно, будет продолжаться.

Контраст с ситуацией в других постсоветских государствах составляет ситуация в Белоруссии, где с 1994 г. государственная власть исходит из преобладающей роли русского языка, материнского для большинства населения. Белорусский язык имеет в основном символическое значение.

Языковая политика в России с самого начала стала отличаться от политики в других новых государствах в двух отношениях. Во-первых, если вне России власть ведет в целом четкую и целенаправленную политику, направленную на развитие функций своего языка за счет русского, то в России единой продуманной политики, сравнимой с тем, что делалось в советское время, не было и по-прежнему нет. Сколько-нибудь ясные цели не ставятся, а выработка политики передана в регионы, где ведется по-разному: где-то проявляется местный национализм, где-то излишняя русификация.

Во-вторых, национально-языковое развитие в России по объективным причинам не могло идти в сторону вытеснения русского языка. «Потребности экономического оборота» способствуют его распространению как единственного языка межнационального общения в рамках всей страны, а процент его носителей в стране по сравнению с советским временем лишь увеличился. В 90-х гг. в стране имела место значительная языковая нестабильность, и тогда, например, в Калмыкии могли мечтать о том, что они будут общаться на своем языке между собой и по-английски в сношениях с внешним миром, включая Москву, без обращения к русскому языку. Но это было невозможно без политической независимости.

Место отсутствующей сознательной политики заняли стихийные процессы, определяемые, прежде всего, законами рынка. Эти законы, в первую очередь, требуют взаимопонимания, а это в свою очередь требует распространения крупных языков и уменьшения языкового разнообразия.

Ослабление функций русского языка в 90-х гг. было заметно (особенно в образовании) в обособленных регионах с малым процентом русских в Якутии, Туве. Здесь отмечалось очень слабое владение им младшего поколения и особенно детей. Сейчас ситуация, пожалуй, стала выправляться. Среди немногих реальных мер власти, направленных на подъем уровня знания русского языка, надо отметить требование обязательной сдачи ЕГЭ на русском языке. Хотя сама система ЕГЭ, мягко говоря, спорна, но это требование заставляет обращать внимание на русский язык. Однако именно сейчас в Москве и других городах стали заметны люди, не знающие или почти не знаю-

щие русский язык. В основном это, конечно, иммигранты. Не первый год говорят о введении для них обязательного экзамена по русскому языку, но пока это так и не реализовано. А на Северном Кавказе дети часто не стараются выучить в школе русский язык из-за отсутствия мотивировок, особенно это свойственно девочкам.

В гораздо большей степени находятся в подобной ситуации другие, особенно малые языки России. Меры по их защите предпринимаются лишь в малой степени. Предпринятые после 1991 г. меры оказались более успешными там, где их можно было осуществлять чисто административным путем: дублирование вывесок в учреждениях, увеличение времени вещания на национальных языках по государственным каналам телевидения и радио, расширение школьного образования на этих языках. Но там, где действуют законы рынка, например, в книгоиздании и выпуске газет и журналов, там малые языки заметно вытесняются русским. А меры вроде дублирования надписей оказываются показными и в лучшем случае имеют символическое значение. Развитие же образования на национальных языках сдерживается отсутствием мотивации: можно хорошо знать язык, но не иметь возможности применить это знание, тогда как слабое владение русским языком ограничивает жизненные возможности не в меньшей степени, чем в советское время. В детских садах и младших классах школ дети, в том числе и русские, охотно учат малые языки просто потому, что это интересно, но к старшим классам интерес исчезает из-за отсутствия потребности в их знании. Помимо наступления русского языка, бывает и вытеснение самых малых языков более крупными языками того же региона: в Саха-Якутии якутский, эвенский, эвенкийский языки уступают место не только русскому, но и якутскому языку.

Но и то, что делается, часто оказывается неэффективным по социальным причинам. Вот пример. В середине 2000-х гг. мордовский языковед, выступая в Москве, жаловался на вытеснение мордовского языка русским. Его спросили, как обстоит дело с подготовкой учителей мордовского языка и литературы; он ответил, что проблема не в этом: их готовят в достаточном количестве, но в большинстве они работают потом не по специальности, а на московских стройках. И еще фактор, действовавший и во времена СССР. В наших школах, как правило, невозможно одинаково хорошо выучить два языка народов России (включая русский); как и раньше, чаще страдает освоение национального языка.

Для современной России типично то, что зафиксировано, например, для Удмуртии: “Географические указатели на федеральных трассах – двуязычные. В общественном транспорте звучит приветствие для пассажиров на удмуртском языке. В городах жители говорят в основном по-русски, в деревне – на удмуртском, хотя и там идет тот же процесс. В целом ассимиляция удмуртского народа идет семимильными шагами. Удмурты, переехавшие в город, как правило, в следующем поколении не воспроизводят себя как представителей коренной национальности и становятся русскими” [15].

Приведенные примеры показывают, что проблемы знания или незнания тех или иных языков – прежде всего, социальные. Гастарбайтеры, не владеющие языком окружающих, оказываются самыми бесправными и подвергаются нещадной эксплуатации, а их хозяевам выгодно, чтобы они не интегрировались в окружающую среду, в том числе из-за языковых проблем. А женщины Северного Кавказа в значительной степени живут в своем закрытом домашнем мире, в котором не нужен русский язык. В советское время принимались специальные меры по вовлечению женщин в общественную жизнь, теперь этого нет. И учителя на стройках – чисто социальная проблема.

По сравнению с другими государствами, образовавшимися на месте СССР, в России было немного языковых войн и острых языковых конфликтов. Однако многие языковые проблемы не решаются. Особо тяжелое положение сложилось с наиболее малочисленными языками Сибири, Дальнего Востока и европейского Севера. Они плохо вписываются в рыночные отношения и не выживут без специальной поддержки. Нельзя допустить исчезновения редких языков: каждый язык – это богатство, особая культура и особый взгляд на мир, а опасность потерять многие из этих языков увеличилась по сравнению с советской эпохой, когда, по-видимому, исчезли лишь два языка. Законы в пользу этих языков существуют, но их действенность мала. Когда-то СССР занимал в мире передовые позиции с точки зрения обеспечения потребности идентичности, теперь и здесь мы отстаем от Западной Европы или Австралии.

Еще один аспект российской языковой политики: распространение и пропаганда своего языка за пределами его основной территории. В России привыкли к значительной международной роли русского языка. На нее влияли не только идеология, но и достижения науки и культуры; в 1960-е гг. в Японии чуть ли не все студенты по

естественным специальностям пытались учить этот язык. Но на конференции Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в Вероне (Италия) в 2005 г. было сказано: “Ведь Россия больше не воплощает великую утопию. Теперь она стала такой же страной, как и все другие” (цитируется по [16, с. 66]).

За пределами своей основной территории язык может иметь четыре функции: функцию мирового языка, функцию регионального языка культуры, функцию контактного языка и функцию языков меньшинств. И в советское время, и сейчас русский язык имел и имеет все эти функции, однако соотношение между ними изменилось. Функция русского языка как мирового резко упала после 1991 г. Функция регионального языка культуры также уменьшилась, хотя в странах СНГ и Прибалтике она в той или иной мере продолжает сохраняться. В то же время в связи с развитием приграничной и челночной торговли, отдыха за границей, туризма и пр. усиливается контактная функция этого языка в сфере бытового общения. Также после распада СССР, когда часть русскоязычного населения оказалась вне России в положении национального меньшинства, усилилась соответствующая функция русского языка в ряде стран.

Конечно, и “такая же страна, как все”, может заботиться о распространении своего языка и стараться предъявить миру то, чего никто другой предъявить не может. Россия все-таки велика по площади и населению, и международная роль русского языка имеет давние традиции. В России попытка его более активной пропаганды за рубежом в последние годы стали заметнее, но пока что его позиции более всего сохраняются благодаря традициям и инерции прошлого.

По вопросам, рассмотренным в статье, ее автор имеет ряд публикаций, в том числе [17; 18]. Данная статья основана на докладе, прочитанном на Международной конференции “Языковая политика и языковые конфликты в современном мире” (Москва, сентябрь 2014); см. [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михальченко В.Ю. Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
2. Ленин В.И. Сочинения. Изд. 5-е. М., 1965.

3. *Ross J.A.* Language and the Mobilization of Ethnic Identity // *Language and Ethnic Relations*. London, 1979.
4. *Skutnabb-Kangas T.* Bilingualism or Not. The Education of Minorities. Clevedon, 1983.
5. *Trudgill P.* Sociolinguistics. An Introduction to Language and Society. London, 1983.
6. *Donahue T.S.* American Language Policy and Compensatory Opinion // *Power and Inequality in Language Education*. Cambridge, 1995.
7. *Bullevant B.M.* Ideological Influences on Linguistic and Cultural Improvement: an Australian Example // *Power and Inequality in Language Education*. Cambridge, 1995.
8. *Бодуэн де Куртене И.А.* Проект основных положений для решения польского вопроса. СПб., 1906.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1954.
10. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947.
11. *Поливанов Е.Д.* Родной язык в национальной школе // *Вопросы национального партпросвещения*. М., 1927.
12. *Данилов Г.К.* Мои ошибки // *Революция и язык*. М., 1931.
13. *Революция и национальности*. М., 1937, № 2.
14. *Советкин Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 2. Саранск, 1980.
15. Независимая газета. 28.01.2008.
16. Глобус. Бюллетень международной информации. М., 2006, № 5.
17. *Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–1997. М., 1997.
18. *Алпатов В.М.* 150 языков и политика. 1917–2000. М., 2000.
19. *Алпатов В.М.* Языковая политика в России и мире // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Международная конференция*. Москва, 16–19 сентября 2014.